ГЕРМАН КАРНЕТ

РОЗАЛИНД

NARRATIO

Герман Карнет

Розалинд

«Автор»

2024

Карнет Г.

Розалинд / Г. Карнет — «Автор», 2024

Десять лет назад в детском доме, исчезла Розалинд — девушка, с которой Томас Гордон провел лучшие годы своего детства. Теперь, став полицейским, он решает вернуться в родной город, чтобы разгадать тайну её исчезновения. Но не только Розалинд исчезла: каждую осень в городе пропадает одна девочка, и это вызывает ужас среди местных жителей. Чем глубже Томас копает, тем больше он осознает, что его подруга могла стать самой первой жертвой.

© Карнет Г., 2024
© Автор, 2024

Герман Карнет
Розалинд

Глава 1.

В старом детском доме, где стены выглядели как будто помнили все мечты и надежды детей, Томас и Розалинд прятались от посторонних глаз в игровой комнате. Проникнувшись атмосферой уюта и тепла, они часто строили свои маленькие миры, полные ярких образов и сложных планов на будущее. Однажды, сидя на потертом ковре, Томас сказал:

– Когда мы вырастем, мы построим дом, где будет только радость и смех.

Розалинд, с горящими глазами, добавила:

– И у нас будут цветы, как в сказках, и много животных. Мы будем ухаживать за ними!

В их воображении дом становился все более красивым: просторная кухня, полная ароматов пирогов, уютная гостиная с камином и большая комната, где всегда звучала музыка. Они делились мечтами о путешествиях, о горизонтах, которых еще не видели, о друзьях, с которыми ни за что не расстанутся. Эти планы были не просто мечтами, а спасительным кругом в серой действительности. В такой дружной симфонии надежд они находили силы двигаться вперед, веря, что вместе смогут преодолеть любые преграды. Время шло, и эти уединенные встречи становились всё более частыми. Каждый раз, когда они отрывали взгляд от своих рисунков и планов, их внимание улавливала пыльная птичка, вьющаяся в гамаке между двумя старыми шкафами. Она казалась символом их мечтаний, свободной и беззаботной.

– Когда-нибудь, – мечтала Розалинд, – мы сделаем так, чтобы все птицы сели к нам во двор.

Томас с улыбкой кивал, представляя, как они будут кормить пернатых друзей семечками и наслаждаться их веселым щебетом. Однажды, Томас нашел в углу комнаты старую игрушечную лошадь. Он протянул её Розалинд, и они начали фантазировать, что это не просто игрушка, а их верный спутник в приключениях.

– Мы будем ездить на ней по всем странам, – твердо заявил Томас, – будем искать артефакты и решать загадки.

Розалинд смеялась, представляя их вместе в далеких землях, полных чудес. Когда солнце начинало садиться, и в окнах играло мягкое розоватое свечение, они поднимали руки к небу, словно мечтая о большом и светлом будущем, которое когда-нибудь ждёт их. В один из вечеров в детском доме Томас с нетерпением ждал Розалинд. Они всегда ужинали вместе. Но в этот вечер она не пришла. Часы тянулись, а девочки так и не было. Сердце Томаса забилось быстрее, когда он забил тревогу. Работники детского дома в панике метались по коридорам, а вскоре к ним присоединились полицейские. Начался обыск: спальни, классы, игровые комнаты—всё. Стены детдома, до того казавшиеся безопасными, вдруг оказались переполнены тайнами. Томас искал глазами знакомое лицо, но ни одной теплой улыбки не было видно. Когда ночь окутала учреждение, страх проник в его душу. Где могла быть Розалинд? В голове мелькали обрывки воспоминаний: смех, совместные прогулки, обещания. Каждый шорох наводил на

мысль, что за стены детдома ввязались зловещие силы. Проходили дни, затем месяцы, годы, Томас рос вместе со своими мечтами. Он мечтал о том, чтобы найти Розалинд, девочку, оставившую след в его сердце. Её глаза, как два озера, манили его, но судьба забрала её. Каждый вечер, глядя на звезды, он клялся, что встретит её снова. Чтобы осуществить свою мечту, Томас отправился в Лондон. Столичный город шумел и кипел, но он чувствовал себя одиноким среди толпы. Он поступил в полицейскую академию, ведь считал, что только обладая властью он сможет отыскать пропавшую любовь. Каждый день он изучал следственные методы, законы и искусство допроса, погружаясь всё глубже в свою профессию. После успешной службы в Рейвенвуде с детективом Джонсоном, он поклялся разгадать загадку, которая терзала его с детства – куда исчезла Розалинд? Когда петля времени открыла ему глаза на моменты их совместного детства, Томас понял, что не может просто уйти, оставив это дело нерешённым.

Томас сидел у окна поезда, наблюдая, как пейзажи сменяются за стеклом. Каждая минута приближала его к родному городу, который он покинул много лет назад. Железная дорога извивалась сквозь зелёные поля и леса, ностальгические воспоминания одолевали его, будоража сердце. Наконец, поезд остановился на старом вокзале, заросшем бурьяном. Он шагнул на перрон, и мир вокруг задышал ему в лицо. Аромат свежескошенной травы смешивался с холодным дыханием осени. Томас медленно вышел из тени поезда и огляделся. Город, казалось, не изменился, но в воздухе витала настороженность, как будто он сам оказался чужаком в привычной обстановке. Первым делом Томас направился в место, которое навсегда осталось в его сердце – в городской детдом, где прошло его детство. Гладкий асфальт под его ногами напоминал дороги, по которым он бегал с другими детьми, смеясь и мечтая о будущем. Но сейчас это было лишь эхо. Ворота детдома, когда-то открытые и радушные, теперь выглядели заброшенными. Томас остановился, глядя на стулья, покрытые пылью, и окна, за которыми когда-то горели огни дружбы. Он вспомнил, как знакомая улыбка воспитательницы каждое утро придавала ему сил. Пройдя через двор, он увидел старое дерево, под которым он с Розалинд строили свои тайные укрытия. Под корнями он заметил что-то блестящее – маленький металлический автомобильчик, потерянный в прошлом. Подняв его, он ощутил, как за плечами скопилась грусть. Но в то же время, этот находка зажгла искру надежды: он не одинок, его детство, пусть и отдаленное, всё еще жило в нем. Осматривая и вспоминая свой детский дом Томаса неожиданно окликнула старая женщина. Он сразу узнал в ней Миссис Норрингтон – подругу своей матери. Миссис Норрингтон была женщиной, чье присутствие в доме будто бы ослепляло. Её волосы, уложенные в идеальную прическу, светились как золотые лучи под солнечными лучами, а глаза сияли умом и хитростью. Она всегда была одета с безупречным вкусом: её платья обнимали фигуру, подчеркивая каждый изгиб, и создали ауру элегантности.

– Томас? – с недоумением произнесла она. – Это действительно ты? Как ты вырос!

Томас улыбнулся, но внутри него поднялась волна эмоций.

– Да, это я. Время летит, не правда ли? – ответил он, стараясь скрыть трепет в голосе.

Миссис Норрингтон посмотрела в его глаза, и в них заискрились старые воспоминания.

– Я помню, как твоя мать мечтала о твоем будущем… – она замялась. – Я

никогда не забуду тот вечер, когда она покинула нас.

Томас всегда помнил тот день, когда его жизнь перевернулась. Его мать, Елена, была женщиной с огненным характером и добрым сердцем. Она работала в

местной аптеке и мечтала о большем – о путешествиях и счастливой жизни с сыном. Однажды, когда Томас играл во дворе, в дом постучали. В дверях стояли двое незнакомцев. Они пришли за Еленой, и её лицо побледнело, когда она увидела их. Они говорили о долгах, о страхах, которые она пыталась забыть. В ту ночь она покинула мальчика. На утро Томас оказался в детском доме. Он до сих пор помнил её запах – сладковатый, с нотками лаванды.

В тишине уютного холла миссис Норрингтон с интересом смотрела на своего гостя. Томас, с слегка поникшими плечами, только что вернулся в родное городишко после долгих лет странствий.

– Когда ты приехал? – спросила Миссис Норрингтон, расправляя кружевной воротник.

– Пару часов назад, – ответил Томас, его глаза метали искры сомнений и воспоминаний.

Женщина заметила, как он нервно потирал руки. Взгляд Томаса блуждал.

– Остановись у меня, – предложила миссис Норрингтон, смягчая голос. – Я могу приготовить твоё любимое блюдо.

Томас кивнул, но его сердце колотилось в ритме неуверенности. Что же он сможет рассказать? О чем вспомнить?

– Спасибо, – произнес он с натянутой улыбкой. – Неплохая идея.

Миссис Норрингтон жила в скромном, но уютном доме в центре города. Этот дом, обрамленный цветущими кустами жасмина, всегда был наполнен светом и

теплом. Она любила расставлять в каждой комнате свои старинные вещицы, которые хранили воспоминания о счастливых днях. Потолки в комнатах были

высокими, увенчанными витиеватой лепниной, а стены обвивались массивными полками, полными редких книг, которые наводили на мысли о потерянных знаниях и далеких странах. Свет из больших окон наполнял пространство мягким золотистым оттенком, играя на паркетном полу, выложенном из темных древесных плит. В углу стоял старинный фортепиано, его клавиши пожелтели от времени, но в нем все еще сохранялась музыкальная душа. Между книгами и нотами словно прятались тайные истории о странствиях и любви, ожидая, когда их откроют.

Особую атмосферу создавал аромат свежезаваренного чая и еловых веток, аккуратно расставленных в вазах. Миссис Норрингтон умела превращать простые

моменты в искусство. Каждый предмет, каждая деталь говорили о ее страсти к жизни. Миссис Норрингтон накрыла на стол и вместе с Томасом села пить чай.

– Почему ты вернулся? – нарушила тишину миссис Норрингтон, налив себе чашку чая.

– Это всё из-за Розалинд, – вздохнул Томас, его глаза зажглись воспоминаниями.

– Но прошло уже десять лет с момента её пропажи, – ответила она, стараясь скрыть сожаление. – Жизнь продолжается, Томас.

– Я не могу просто так отпустить это. – В голосе его звучала тоска, как в старых записях, которые невозможно стереть. – Каждый уголок этого города напоминает мне о ней.

– Но ведь это не вернёт её, – заметила миссис Норрингтон.

– Знаю, – признался он, взглянув в окно. – Но что, если я увижу её снова? Что, если она всё ещё где-то здесь?

Миссис Норрингтон внимательно посмотрела на него, осознавая, что в сердце Томаса укоренилось что-то большее, чем просто надежда.

– Ты ведь знаешь, что надежда может быть коварной, – произнесла она, наполняя еще чашку горячим чаем, мелодично звенящее стекло напоминало о бесконечности мгновения. – Иногда она только углубляет рану.

Томас обдумал её слова, но в глубине души не был готов сдаться. Он вытянул ладони над чашкой, как будто искал уют в тепле, и снова думал о том дне, когда Розалинд исчезла. Каждый её смех, каждое воспоминание держало его в плену, и он не знал, как разорвать эти невидимые узы.

– Я должен найти её, – сказал он, полон решимости. – Эта потеря не оставит меня в покое, пока я не сделаю всё возможное.

Миссис Норрингтон вздохнула, понимая, что не сможет его остановить. В ней зародилось уважение к его решимости, но вместе с тем – беспокойство. Что, если поиски ведут к ещё большему горю? – Но она могла лишь наблюдать за Томасом.

Томас поднялся, оставив недопитый чай на столе. Восковые свечи мягко освещали маленькую кухню, но он не мог оставаться здесь, в этом уединении Он накинул пальто, и холодный ветер снаружи обнял его, как старый друг, напоминая о том, что по ту сторону дверей его ждет неведомое. Одинокая звезда вспыхнула на востоке, и Томас почувствовал, как её свет стал путеводной нитью в его душе. Каждый шаг отдавался эхом в его сердце, напоминающим о потерянных моментах. Почему он не смог защитить её? Мысленно он повторял её имя, словно заклинание, в надежде, что это поможет привлечь её обратно. Проходя по улицам города, Томас заметил объявление на столбе – пропавшая девочка двенадцати лет. Волнение охватило его, когда он снова вспомнил Розалинд. Она была такой же озорной и улыбчивой. Сорвав объявление, Томас направился в местный участок. Офицер за стойкой взглянул на него с интересом, когда он спросил о подробностях. Бросив последний взгляд на объявление, Томас почувствовал, как его сердце бьется чаще. Услышав, что девочка пропала в том же районе, где когда-то исчезла Розалинд, он задумался: есть ли связь между этими случаями? Томас подошел к стене, увешанной фотографиями пропавших девочек. Их лица смотрели на него с настороженностью и надеждой, словно искали помощи. В центре стоял офицер Стэнфорд Эванс с холодным взглядом, его руки были скрещены на груди, а губы сжаты в тонкую линию. На столе лежали карты, на которых яркие точки указывали места, где девочек видели последний раз. Томас ощущал, как его сердце забилось быстрее. Он знал, что каждая точка – это не просто место на карте, а фрагмент трагедии, которую пришлось пережить.

"Почему они исчезли?" – тихо прошептал он, отводя взгляд от фотографий, словно те могли ему ответить. Офицер заметил его интерес.

– Привет, – начал он, стараясь звучать уверенно. – Я Эванс. Что-то нужно?

– Я Томас я тоже работаю в полиции. Я готов помочь. Можете рассказать о текущем деле.

Эванс почувствовал, как его напряжение немного ослабло. Томас выглядел уверенным, а его предложение о помощи звучало многообещающе.

– Спасибо, – ответил Эванс.

– Каждую осень, – начал Эванс, – пропадает одна девочка. Девять лет подряд. Непонятно, почему это происходит.

Томас, прислонившись к стене, задумался. В памяти Томаса всплыла её улыбка — Розалинд. Пропавшая за год до начала этой трагедии.

– Она была первой, – с тихой решимостью произнёс он.

Эванс прищурился.

– Что ты имеешь в виду?

– Я знаю, откуда начинать. Эти девочки – не случайные жертвы. Это дело может быть связано с моей пропавшей подругой Розалинд.

Интерес офицера загорелся. Офицер Эванс достал из архива старое дело об исчезновении Розалинд. В кабинете царила тишина, лишь время от времени слышался треск бумаги, когда Томас начал исследовать документ. Как только он увидел фото Розалинд, воспоминания настигли его. В детском доме царила холодная серость, но рядом с ним всегда была она – светлая и веселая, словно лучик солнца. Они играли, мечтали, строили свои маленькие миры.

– Ты веришь, что она жива? – спросил Эванс, изучая выражение лица Томаса.

Томас медленно кивнул, пытаясь найти слова. – Я чувствую её… даже сейчас. Она всегда была рядом, даже когда мы были разлучены.

Эванс поднял взгляд. В голосе Томаса звучала решимость, которой он сам не ожидал. – Мы должны её найти.

– Томас, – начал Эванс, – нам нужно провести допрос родителей пропавшей Келли Тернер.

– Они, вероятно, в глубоком шоке, – произнес Томас. – Может, нам стоит отложить…

– Нет, – перебил Эванс. – Чем дольше мы ждем, тем труднее будет разобраться в их показаниях. Мы должны поймать момент, пока они еще переживают это волнение.

Словно оживленная тень, страх пробежал по кабинету. Томас кивнул, активно погружаясь в свои мысли.

Дом, куда прибыли Томас и Стэнфорд, выглядел угрюмо и неуютно, словно хранил в своих стенах множество тайн. Мрачные окна, затянувшиеся пыльной паутиной, лишь подчеркивали атмосферу безысходности. Портреты предков рыскали по стенам, следя за каждым шагом гостей, их глаза, казалось, задавали вопросы, на которые у Томаса не было ответов. Родители Келли, Клер Тернер и Скотт Тернер, сидя в углу, выглядели истощенными и сломленными. Их опустошенные взгляды и шепот на грани кризиса создали ощущение, что в воздухе витает бездна страха и вины.

– Когда вы последний раз видели её? – начал Томас, его голос был тихим, но настойчивым.

– В прошлую пятницу, – ответила Клер, укрываясь от нехватки слов. – Она должна была прийти от подруги…

Скотт стиснул кулаки.

– Мы вызвали полицию, когда она не вернулась. Всё это время мы думали, что она просто задерживается…

Томас взглянул на родителей Келли, в их глазах была бездна отчаяния.

– Вы сказали, что Келли возвращалась от своей подруги, – начал он, упреждая их тревожные мысли. – Кто она? Где живет?

Скотт посмотрел на Клер, затем обратно на Томаса.

– Это Тиффани, – наконец выговорил он, голос дрожал. – Она живет на соседней улице, там, где старый дом с красной крышей.

– Тиффани… – повторил Томас, записывая все в блокнот.

– Надо допросить Тиффани, – сказал он, разжигая в себе огонь решимости. — Мы должны узнать, что произошло.

– Томас, я сам допрошу Тиффани, – произнес он, не поднимая глаз.

Томас, стуча ручкой, оторвался от блокнота и взглянул на Эванса. Его голос был тихим, но в оттенках звучали тревога и недовольство.

– Это не простой допрос. Ты знаешь, что случилось с девочками. Нам нужно действовать аккуратно. – Он вновь сосредоточился на блокноте.

– Я знаю, что делаю, – резко ответил Эванс, поднимая голову. – Она единственная, кто может дать нам зацепку.

Томас вздохнул. Он понимал, что Эванс был прав.

– Поговори с ней, – сказал Томас, направляясь к двери. – Я займусь остальными делами.

Стэнфорд кивнул, чувствуя, как тьма вокруг сгущается. Тайна исчезновения девочек все еще витала в воздухе, предвещая неприятные открытия.

Томас, погружённый в раздумья, перебирал документы о пропавших девочках. Каждая из них напоминала о Розалинд. Сердце сжималось при мысли о том, что с ними сейчас происходит. Рассматривая карту, он заметил пугающую закономерность: все они исчезли вблизи его старого детского дома. В этот момент в кабинет вошёл офицер Эванс, ломая тишину. Он только что завершил допрос с Тиффани, папа и мама которой бесились от беспокойства.

– Они разошлись недалеко от старого детского дома – сообщил Эванс, поглядывая на карту.

Томас вспомнил годы, проведённые в этом месте, как в безмятежном раю, прежде чем пропажа Розалинд превратило его в тёмный уголок сознания.

– Пойдем навестим миссис Майер – предложил Томас, чувствуя, как его сердце наполняется теплом при воспоминании о её доброте.

Эванс с энтузиазмом согласился.

Саманта Майер – директор детского дома, который оставил неизгладимый след в его жизни. Она с любовью заботилась о детях. Каждое утро начиналось с её мелодичного голоса, призывающего детей к порядку. "Организуйтесь, ребята Жизнь – это дисциплина!" – повторяла она, внося в серое детство яркие краски. Но за стенами её кабинета звуки смеха и игры всегда звучали немного тише; они словно боялись нарушить её неумолимую рутину. Некоторые ночи, когда Томас не мог уснуть, он шептал её имя. Он вспоминал, как волновалась Саманта, когда пропала Розалинд. Её настойчивый поиск, полный тревоги – это была другая сторона директора, та, которую никто не хотел замечать. Теперь, став взрослым, Томас понимал: Саманта была не просто директором. Она была маяком среди шторма, дворцом среди руин. Воспоминания о ней навсегда останутся в его сердце, как первый снег, укрывающий город белой пеленой.

Томас и Эванс подошли к дверям старого дома, напоминавшего о прошлом. Сердце Томаса колотилось, когда он раздавил свой страх, и, наконец, нажал на звонок. Дверь открылась, и перед ним предстала Саманта. Ее удивленные глаза наполнились радостью.

– Томас! – воскликнула она, с трудом веря в то, что видит его спустя столько лет.

– Здравствуй, Саманта, – ответил он, улыбнувшись. Воспоминания о детстве, о том, как она заботилась о них, накрыли его волной тепла.

Она пропустила их внутрь, и через мгновение они оказались в уютной гостиной, где время, казалось, остановилось. Саманта села напротив них, и в ее голосе звучали воспоминания:

– Я всегда знала, что ты добьешься успеха.
Томас обменивается взглядами с Эвансом, и в этой тихой комнате вновь оживают слабые, но значимые мечты. Он начинает рассказывать о своей жизни, о том, как испытания закалили его.

– Ты действительно стала для нас второй матерью, – сказал Томас, оглядываясь на старые фотографии, висящие на стенах. – Помню, как ты всегда пыталась нас поддержать, даже в самые трудные времена.

Саманта улыбнулась, ее глаза заблестели от слез.
– Я всегда гордилась вами, вы были восхитительными детьми. Каждый из вас — это история, полная храбрости и надежды.

Эванс, который молчал до этого момента, решился заговорить.

– Мы пришли не просто так – в его голосе чувствовалась непреклонная решимость. – Я знаю, что это может показаться безумным, но все пропавшие девочки были замечены в окрестностях старого детского дома.
Саманта в ответ лишь вздохнула, ее лицо искажало сомнение.

– Это место давно заброшено, и никого там не было годами – в ее голосе слышалась нотка тревоги.
Томас, увидев её встревоженное выражение лица, подошел ближе.

– Я должна рассказать тебе правду, – сказала она, её голос дрожал. – Десять лет назад, когда похитили Розалинд…
Томас ощутил, как земля уходит из-под ног. Он даже не дышал.

– Я выходила из детского дома, чтобы проверить, все ли зашли на ужин. Я увидела, как… как Розалинд. Я увидела, как ее берут на руки … – её голос сорвался. – Она закричала, а я не смогла ничего сделать. Я была в ужасе.

– Ты не могла помочь? – воскликнул Томас, горечь и шок смешались в его душе.
– Ты слышала, как она кричала, попросила о помощи!
– Я знаю, я знаю! – отвечала миссис Майер, её глаза заблестели слезами.

– Но я была слишком напугана. Я чувствовала себя бессильной.

Томас не находил слов. Чувство предательства и горя заполнили его. Как можно было так поступить? В тишине раздались только их тяжелые вздохи, а в воздухе витала непрощенная вина.
Саманта сглотнула комок в горле, её голос стал чуть тише.
– Я никогда не забуду этого, – продолжала она, – я каждый день живу с этим грузом. По ночам мне снятся её глаза, полные страха и надежды, а я лишь бессильно стою в тени…

Томас отвел взгляд, пытаясь справиться с разрывающими его внутренними переживаниями. Он знал, что шок и гнев должны были уступить место

пониманию, но как это было возможно? Спустя много лет они оказались связаны не только общей утратой, но и непростительной тайной.

– Я не знаю, как смогу жить с этой мыслью, – наконец выговорил он, его голос иссяк от напряжения. – Ты могла бы спасти её, а не стоять на месте.
Саманта опустила голову. В этот момент она осознала, что больше не сможет избегать боли – ни своей, ни чужой.
Томас, сидящий на краю кресла с потупленным взглядом, даже не заметил, как подошел Эванс. Непередаваемая печаль витала в воздухе, словно тягучий туман.

– Томас, – произнес Эванс, его голос был мягким, но решительным. – Тебе нужно пойти домой и отдохнуть.

Томас поднял голову, его глаза блестели от недоумения. Как будто, признав реальность, он потеряет то немногое, что у него осталось.

– Почему? – вымолвил он еле слышно.

Эванс вздохнул.

– Иногда правда – это тяжкий груз, железная цепь, что сжимает души, — пробормотал Эванс, ободряюще хлопнув его по плечу.

Томас вздернул подбородок, готовясь сразиться с собственными демонами, но капитан уводил его в другой мир, где боль была лишь эхом.

Глава 2.

Томас сидел в своей комнате, его взгляд был устремлен в окно, где дождь капал по стеклу, словно слезы, теряющие надежду. В голове у него кружились мысли о том, как могла бы выглядеть жизнь, если бы миссис Майер в тот роковой день смогла спасти Розалинд. Воспоминания о той страшной ночи, когда осень скрывала от глаз все, что происходило в темноте, не давали ему покоя.
Каждая деталь казалась ему важной: крик Розалинд, который так и не долетел до него, или лицо похитителя, которое так и осталось загадкой. Он представлял, как миссис Майер, обладая несгибаемой волей, устремилась бы в сгущающуюся мглу.
"Что, если бы она успела?" – задавался он вопросом. Она могла бы спасти Розалинд и вернуть ее домой, и все изменилось бы: улыбки и смех вернулись бы в их мир. Но вместо этого в их жизни пришла тьма, и Томас чувствовал, как одиночество обвивает его, словно тугая веревка. Он закрыл глаза и пытался представить, как все могло бы быть.
В комнату к Томасу зашла миссис Норрингтон с тревожным выражением на лице. Она всегда была для него олицетворением спокойствия, но сейчас в её голосе звучала серьёзность.
– Томас, – произнесла она, – тебя ждет офицер Эванс.
Томас сболтнул что-то невнятное и поспешил вниз по лестнице, его сердце стучало в унисон с шагами. Офицер Эванс стоял у двери, сжимая в руках шляпу, взгляд его был полон смятения.

– Томас, – начал он, – недалеко от детского дома нашли тело девочки.

Эти слова обожгли Томаса, как горячее железо. Он почувствовал, как мир вокруг замер, оставив лишь холодный страх.

– Как она выглядит? – спросил Томас, голос его дрожал.

– Я пока не знаю. Моя команда обнаружила её во время обхода территории.
Мысленно он вернулся в детский дом, где каждый ребенок был частью его жизни. Томас и офицер Эванс осматривали место преступления, затянутое утренним туманом. На земле лежало безжизненное тело девочки – Люси Смит, одна из пропавших, девочку задушили. Ее светлые волосы были раскинуты вокруг, а нежное лицо, казалось, навсегда обрело мир. Приступив к осмотру тела, Томас заметил в руках у Люси лепесток бледно-розового цвета. Сердце его заколебалось – это была английская роза «Розалинд». В воздухе повисла зловещая тишина. Он рухнул на землю, осознав, что убийца оставил ему послание. Этот лепесток был знаком, связующим звеном между мирами — погибшей девочки и его собственным кошмаром. Воспоминания о Розалинд, о том, как она смеялась и танцевала, нахлынули на него. Крики Томаса раздавались по всему месту преступления, пронзая тишину: "Это не может быть правдой!" Схватившись за голову, он ощутил, как реальность начинает распадаться на фрагменты – звуки, запахи и образы сливались в хаос. В последний момент, когда знакомая бездна уже накрыла его, он почувствовал, как земля уходит из-под ног.
Томас медленно возвращался в реальность, его сознание, затуманенное сильными успокоительными, напоминало неясные сны. В сухом, белом свете больничной палаты он слышал шорохи, но не мог различить, что происходит. Все вокруг казалось далеким, как сон, и лишь один образ был четким – Розалинд. Она появлялась в его видениях, словно мимолетный призрак. Он видел ее улыбающееся лицо, волосы, колышущиеся на ветру, и её смех, который резонировал в его душе. Иногда она протягивала ему руку, но убегала прочь, стоило ему сделать шаг. Его мысли о Розалинд были единственной нитью, связывающей его с жизнью. Он осознавал, что пробуждение – это не только возвращение к реальности, но и необходимость разобраться в том, что произошло. Тревога в его сердце разгоралась.
Томас медленно открыл глаза, чувствуя, как мир вокруг него начинает обретать формы. Свет пробивался сквозь занавески, и он осознал, что находится в больнице. Рядом сидела миссис Норрингтон, ее выражение лица выдавало глубокую тревогу.

Как ты себя чувствуешь? – тихо спросила она, не отрывая взгляда от его глаз.

Он попытался ответить, но слова застряли в горле. Воспоминания о недавнем событии прокатились в его сознании, подобно буре, которая оставила после себя опустошение.
Я… – наконец, произнес он, – что случилось?

Ее рука нежно легла на его, и он почувствовал тепло, которого так не хватало.

Ты был на грани, Томас. Мы все волновались. Ты нуждаешься в помощи – сказала миссис Норрингтон, ее голос дрожал от эмоций.

Томас закрыл глаза, погружаясь в собственные мысли. Эванс медленно вошёл в палату, стараясь не шокировать Томаса своими вестями. Слабый свет лампы освещал бледное лицо друга, отчаяние, словно тень, окутывало его.

– Как ты? – спросил Эванс, присаживаясь на край кровати.
Томас поднял глаза, полные боли, и слабо пожал плечами.
– Знаешь, – продолжал Эванс, стараясь подвести к сути, – родители Люси уже знают о её гибели.
Томас замер. Сердце его сжалось от тяжести слов. Ему стало невыносимо тяжело, когда он представил, как мать Люси, хрупкая и добрая женщина, узнала эту ужасную новость.

– Она… в больнице, – добавил Эванс, глядя в пол. – У неё сердечный приступ.

Кровь ударила в голову Томаса, он был её последней надеждой, а она… теперь её родители.

– Я виноват, – выдохнул он, почувствовав, как слёзы заливают грудь. Не зная, как дальше жить с этим грузом, он смотрел на Эванса, будто надеясь на спасение. Томас смотрел в пустоту, его сердце сжималось от горя. Он винил себя в смерти Люси, погружаясь в мрачные размышления о том, что, если бы он не вернулся в город, она могла бы быть жива.

Эванс нахмурился.
– Томас, не стоит навешивать на себя вину. У тебя нет доказательств, что твоё присутствие могло что-то изменить. Ты просто ищешь виновного, чтобы облегчить свою душу.

Томас выпустил воздух, его глаза наполнились слезами.

– Но я чувствую, что это я виноват.

Эванс пристроился ближе, его голос стал мягче.

– Иногда мы не можем предотвратить то, что предначертано судьбой. Вместо того чтобы винить себя, вспомни, что Люси бы этого не хотела.

В этих словах был глубокий смысл, но сердце Томаса всё еще терзалось.
– Почему ты так отреагировал на лепесток? – тихо спросил Эванс, прикусывая губу.

Томас медленно повернулся, в его глазах читалась боль.
– Это не просто лепесток, – едва слышно произнес он. – Это знак.
Эванс не понимал.

– Знак чего?

– Знак того, что убийца Люси знает о Розалинд, – с трудом произнес Томас.

Глубоко вздохнув, он начал рассказывать историю.
«Когда я был маленьким, в дверь нашего детского дома постучали. На пороге стояла женщина, вся в грязи и лохмотьях. С трясущимися руками она просила приютить свою маленькую дочь. Оставив девочку на руках воспитателя, она быстро исчезла в темноте. Маленькая девочка была больна воспалением легких — врачи не давали шансов. Но воспитатели не сдавались и боролись за её жизнь. Мы спросили её имя, но она только шептала: „Как самую красивую розу в Британии“. Именно тогда мы поняли – её звали Розалинд.
Миссис Норрингтон, сидя рядом с Томасом, не могла сдержать слез. Вспоминая его детство, она начала рассказывать о тёмных днях, когда он потерял мать и отправился в детский дом. Томас был замкнутым, часто прятался в уголках, боясь открыть своё сердце после потери. Когда он встретил Розалинд, всё изменилось. Она была ярким солнечным лучиком среди серых стен. Сначала они обменивались лишь взглядами, но вскоре Розалинд подошла к нему и предложила поделиться шоколадкой. Этот простой жест развеял тучи одиночества вокруг Томаса. Розалинд стала его другом, спасателем, который научил его смеяться и мечтать. Вместе они создавали миры, где не существовало боли. Они прятались от взрослых и писали письма, в которых мечтали о будущем.
Миссис Норрингтон посмотрела в глаза Томасу, полных вздохов и воспоминаний, и тихо зашептала:
– Томас тебе нужно набраться сил, – произнесла миссис Норрингтон, поправляя брошь на своем платье.
Эванс кивнул, его лицо отражало тени раздумий. – Да, ты должен подготовиться к грядущему.

Томас почувствовал, как внутри его что-то перевернулось. Он готов был сразиться с неизвестностью.

Смерть Люси вызвала волну страха в городе, родители не выпускали детей за порог. На улицах царила тревога, и каждый взгляд был полон подозрений. Офицер Эванс, вместе с напарниками проводил доскональные обыски. Каждый день они стучались в двери, опрашивая жильцов, записывая каждую деталь, даже самую незначительную. «Что вы видели? Что слышали?» – его голос звучал как приговор. Часами они сидели в домах, внимательно слушая истории. От усталости офицер Эванс присел на корточки к порогу старого дома Энтони Раунда. Солнце уже начинало скрываться за горизонтом.
– Мистер Раунд, – начал Эванс, – вы видели или слышали что-то подозрительное?

Энтони взглянул на сына, Роберта, который с непониманием наблюдал за разговором.

– Мы ничего не слышали, – тихо произнес он.

Эванс заметил, как отец и сын обменялись взглядами, полными утраты и боли.
– Мы ведем расследование, – ответил Эванс. – Ваша помощь может быть

решающей.
– Энтони, вы не против, если мы осмотрим дом? – спросил он, стараясь придать голосу нейтральный тон.
– Нет, не против, – отозвался Энтони.
Эванс и его коллеги начали осматривать дом, наполненный атмосферой уюта. Стены были украшены фотографиями, на которых запечатлены счастливые моменты.

– Знаете, – начал Эванс, осматривая комнаты, – у вас здесь очень интересное оформление.

– Каждая вещь здесь имеет свою историю, – сказал Энтони, его голос стал серьезнее.
Эванс, обследуя комнату Роберта, наткнулся на рюкзак, украшенный заплатками и с заметными следами времени. В сердце у него зашевелилась непривычная тревога. Это был рюкзак убитой Люси.

– Где ты взял это? – громко спросил Эванс, указывая на рюкзак.

Роберт, побледнев, поднял руки, отводя взгляд.

– Я не знаю, как он у меня оказался! – воскликнул он.
В этот момент в комнату влетел отец Роберта, опережая свой страх.
– Эванс, отпусти моего сына! Он тут ни при чем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.